

18+

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

У СВЕТА И ТЬМЫ
Книга первая
Я ПРОДАЛ ДУШУ ДЬЯВОЛУ



Александр Черенов

У света и тьмы. Книга первая.

Я продал душу дьяволу

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44828803
ISBN 9785005044044*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Герой – наш современник – продаёт душу Дьяволу – по классике: за исполнение желаний на тему собственных фантазий. А как известно, желания чреватые исполнением – и Сатана не упустит такой случай. И вот желания исполнены – и за них надо расплачиваться, независимо от того, благие они или нет. «Раста sunt servanda»! Сатана выставляет счёт: Князю мира сего безразлично, на какие цели клиент тратит жизнь и душу, которая отныне становится его собственностью...

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	25
Глава четвёртая	37
Глава пятая	44
Глава шестая	58
Глава седьмая	67
Глава восьмая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

**У света и тьмы
Книга первая. Я
продал душу дьяволу**

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0050-4404-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-4405-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

«То ли чудится мне, то ли кажется, то ли старый колдун куражится?». Текст – из сказки, но случай – из жизни, мой. К чему это я? Да, к тому, что кто-то «покуражился» над моими фантазиями. Поработал, так сказать. И не только в плане «литературной редакции». Нет, писал, конечно, я. Не стану также отрицать, что этому «кому-то» не над чем было работать. Но мысли мои развили «в нужном направлении». Кому-то нужном. И помимо моей воли.

«В моём лице налицо» – типичная жертва злого умысла. В отношении моих фантазий. Безобидных, конечно. Так, что, прошу не судить меня строго. Может, я и мыслил, но не умышлял. Меня вело, но не уводило. Мало ли, кто что думает?! Да и как я думал: фантазировал! Вот, и нафантазировал. На тему бытия – и на свою задницу. Хорошо ещё, что я – не самый большой фантазёр, и не самый умелый рассказчик. А то – сидел бы я за столом! Так, что, дяди и тёти: отставьте дрожь – ничего с вами не случится. Как не случилось со мной... Или случилось? Ну... сами разберётесь.

«Загадывая желание, будь осторожен:
оно может исполниться!»

Неизвестный доброжелатель

Глава первая

«Жил-был – я. (Стоит ли об этом?)» (Семён Кирсанов).
Неправ уважаемый поэт: стоит. Ещё, как стоит! Потому что, если о чём и «стоит» – так лишь об этом. Потому что это стоит... того. Потому что, если бы не было меня, не было бы и того, что... было.

Вот, потому: «жил-был я». И жил-был ещё один товарищ. Тот, Который есть Любовь. Товарищ показался мне перспективным по линии удовлетворения желаний – и я стал домогаться его любви. Врать не буду: не получилось. Не встретил понимания. А, может, как раз встретил – и раньше времени. Так или иначе – а любви между нами не вышло. Виню себя: города берёт смелость – но не наглость. Умнее надо было... домогаться.

Пришлось отступить. Но не отступиться. Не знаю, как Господь – на меня, но я на него виды имел. И вполне определённые.

Я не собирался «впаривать» Ему байки о «поиске смысла жизни», «обретении себя» и тому подобное. И не потому, что Господь – Всевидящий: потому, что я – такой честный. Я искал дружбы Господа не для того. Честно искал. Не скрою: «сокровищам небесным» всегда предпочитал другие – без кавычек. К кому же мне обращаться за вспомоществованием, как не к Тому, Кто жизни за нас не пожалел: что ему ка-

кое-то барахло?! И разве я не был умерен в запросах? Я ведь не просил даровать мне жизнь вечную!

Увы: похоже, Господь игнорировал меня. Но я – парень упорный. Особенно – в плане веры. И уж если поверил в Господа, в его потенциал – пойду до конца. Пока не образумят. И я сказал Господу: «Верю в тебя!» В смысле: «Не сомневайся... в себе. Ты сможешь это!».

«Стучите – и отворится вам». Стучался – так что лоб расшиб. Не слышали. «Просите – и дано будет вам». Просил. Не дали. Может, не так просил. Может, как раз так – чтобы не дали. Но в обоих случаях я был честен: что хотел сказать – то и... попросил! Зря Господь усомнился в моей искренности: у меня, что в списке – то и на уме! Да и, какой это список? Так – бумажка... в стандартную тетрадь. Пустяки – для него.

«Ищущий да обрящет»... Увы, верна лишь первая половина. Но это – моя проблема. Хотя и Господь поучаствовал в её создании. Но, в основном, это я – такой «хороший». Настолько «хороший», что от моей «души» отступились даже баптисты. Это – с их-то планами «по охвату!». Баптисты – и те не смогли! А ведь насколько серьёзный народ – уж, я-то их знаю! Мы с ними – старые знакомые! «Двукратные»! И, коль скоро речь зашла об истории наших взаимоотношений с Господом, нельзя не упомянуть и об этой её странице. Каюсь: грешен. Было дело: примкнул к гонителям. Одно утешение: не своим хотением, но начальственным соизволе-

нием. Вызвали меня как-то «наверх»: «Ты у нас задействован!» К несчастью – для баптистов – я был не токарем, не пекарем, а следователем прокуратуры. Потому-то и вызвали. Потому-то и «задействовали». Пусть даже и в качестве «удо-стоверения в раскрытом виде»: мы, «прокураторские», всего лишь «прилагались» к оперативникам УКГБ. «Обеспечивали прикрытие».

Но я бы не сказал, что «дубль второй» был вызван желанием замолить старый грех. Да и не я был инициатором: это всё – моя «везучесть». И везёт же мне на агитаторов: то – сектанты, то – партактив, то – лоточники! И незнакомые алкаши почему-то именно у меня всегда «сшибают» мелочь на опохмел. И попрошайки почему-то именно меня хватают за руку. И гадалки почему-то именно мне предлагают свои услуги. Вероятно, есть во мне что-то такое, мимо чего не могут пройти «охотники на чужбинку».

Не смогли пройти и баптисты. В лице скромного члена трудового коллектива: я уже «сменил масть» и «валял дурака» юрисконсультантом заштатной конторы. Как-то раз, по производственной необходимости, я снизошёл до пролетария, в какой-то момент «раскрылся», потерял бдительность и... был «искушён». В советское время «запретный плод» казался особенно сладким – ну, и я не устоял. Вождедел, так сказать.

Вскоре мне предложили навестить «братьев» на дому. В молитвенном доме, то есть. За Библию американского

«розлива». В подарок. По тем скудным временам она котиновалась выше «Проклятых королей» Дрюона – и я согласился.

Посещение впечатлило: сразу же расхотелось «брататься» – даже за Библию. Несостоявшиеся «братья» моментально сориентировались – и вот тут появилась она. Или оно: средство агитации и пропаганды. В образе невероятно смазливой девицы – из местных товарищей. Воистину: «навозну кучу разгребая...» Грешным делом, я даже забыл о книге – не говоря уже о Боге. Вдруг захотелось любви и понимания – и уже не в обществе Всевышнего.

«Братья и сестры» так расположились к неофиту, что готовы были доставить красавицу вместе с раскладушкой. Доставили. И вот, как только мы легли, всё встало. И не «в том смысле»: на свои места. Увы, но по части интереса я не смог соперничать с Господом в её душе. «И тогда лиса сказала, что виноград зелен». И вообще: «хороша страна Баптистия...» – только воля лучше баб! (Как сформулировал, а! Как обыграл!)

И я обратил любовь на Услугодателя. Да, меня можно было упрекнуть в том, что «люблю я Господа – но странную любовью». Только ведь я ничего не скрывал от него. Прежде всего, я не стал скрывать того, что жду ответного к себе расположения. Так сказать, «любовью – за любовь!» И не в форме «поглаживания по головке»: списка я тоже не таил. Всё было по-честному.

Надо молиться? Даже много и усердно? Да, пожалуйста! Уже в день получения инструкции я «оттрубил» на коленях минут десять, не меньше: «мои» вышли подышать свежим воздухом, и никто не мог помешать нашему разговору. Сама процедура заняла не больше минуты: краткость – сестрица «брата». Всё остальное время я вразумлял Господа насчёт того, чтобы он не сомневался в моём к нему расположении – и по этой причине не тянул со своим.

– Ну, как? – наутро дохнул на меня надеждой «вербовщик»: план-то надо выполнять.

– А никак! – врезал я по надежде. – Не прибавилось!

– Чего?

– Ничего! В том-то и дело, что ничего! Ни здоровья, ни настроения, ни благ – ничего!

– Ну, всему своё время! Просите – и дано будет вам! Ищите – и обрящете! Стучите – и отворится вам!

– Хватит – а то ты мне всю Библию перескажешь!

«Обрящете»! «Плавали – знаем»! И этот – туда же! Или я не старался?! А что – в итоге?! Ноль плюс ноль и умножить на ноль – всё равно будет ноль! Не спешил Господь являть мне своё расположение. Явно не спешил.

«Э-э-э, сказали мы с Петром Иванычем»... Так дело не пойдёт. Что же это получается? Как пелось в одной старинной песенке: «Я к тебе – со всею душой, а у тебя ко мне интерес небольшой!» Так, что ли?!»

– А искренен ли ты в своих молитвах? – насмешил ме-

ня пресвитер, когда я пришёл к нему с очередной жалобой на Бога.

Искренен ли я в своих молитвах? Да какой нормальный человек будет в таком деле кривить душой? Я имею в виду: отправляя «туда» заявку?! Если бы я «лепил горбатого», то разве стал бы – после традиционной прелюдии «Отче наш...» – еженощно знакомить Господа с перечнем?!

И потом: я ведь никогда не предварял свои запросы требованием дозволить «вложить руку мою в рёбра твои»! Меньше всего меня занимали вопросы чьего-то там бытия: моё собственное – вот вопрос! Вопрос вопросов! Дашь согласнo перечню – и я твой, без всяких, там, «рёбер»! Не дашь – entschuldigen Sie, bitte, aber по труду – и награда! Я – честный. Я не какой-нибудь, там, кардинал Монтанелли, который, не получив требуемого, возопил: «Где ты, Бог? Нет тебя!» До такой низости я опускаться не стану. Я просто скажу Господу: «Извини, приятель, но джентльмены так не поступают!»

И всё: Вам, как говорится – направо, нам, соответственно – налево. Туда, где, по слухам, обитает «товарищ противоположного заряда». Мне ведь – всё равно, от кого получать. Но Вы же не станете отрицать, что стояли первым в списке? Вы же – Всевидящий и Всесведущий! А ведь я мог и обойти Вас: что тут такого?! Но не обошёл же! И что – в ответ?! Извини... те, но какие же мы после этого интеллигенты?!

Я продержался на молитвах ещё пару ночей – а потом дал

текст. И, ладно бы из Библии или, какой другой классики – а то ведь свой:

Несут «нетленных» к носам модели,
Но я ж не бабка в платке, я – муж!
Ах, был бы Дьявол на самом деле —
Ему б сдал душу, и счёт – Ему ж!

Я веткой мятой годами сохнул,
Клыки и мысли лишь впрок точа!
Ах, если б Он хоть копытом цокнул,
Я предложил бы себя тотчас!

Слова, рассудок, оставь сорокам,
Врачуй порядочность, как болезнь!
Ах, если б Он показался рогом,
Я на рога бы без слов полез!

Перечит Господу каждый атом:
«Тебе – акт подлый?! Ты – контр-акт!»
Ах, если б только пахнуло адом,
Я тут же кровью б скрепил контракт!

Уже в печёнках печь и полати!
От Бога толку – хоть век божись!
Хватай душонку – мы, брат, поладим:

Я – твой по смерти, Ты – мой по жизнь!

Обидно? Ещё, как обидно!.. Ах, это ему обидно?! Значит, обижали меня – а обиделся он?! А на что? На что Ему обижаться? Сколько можно ходить вокруг да около?! Какие бы «баки ни забивали Мике», вера – это сделка! Та самая: ты – мне, я – тебе. И я готов был исполнять свои обязательства. Честно. Добросовестно. А контрагент? Даже не плюнул в мою сторону: всё бы, какой, никакой, диалог завязался! И разве я много просил?! Сам ведь говорил: «Не заграждай рта волу молотящему!» Вот он я – вол, и как раз молотящий! Так почему «заградили»? Не дал план по «на-молоту»?

Отговорки по типу «Господь тебя испытывал» не принимаю. Хочешь меня испытать по-настоящему – испытай добром! Злом каждый дурак может испытывать! Пора отходить от шаблонов: вербовка злом уже не актуальна!

Но нет: ни добра, ни испытания. А на «нет» – и меня нет. Извините, товарищ, но любви между нами не случилось не по моей вине. Так что, корите исключительно себя, когда увидите меня в другой команде. Что же до несостоявшегося «брата», то «накрылась» его премия...

Глава вторая

Что ж: сделка не состоялась. Жаль: Господь – малый хороший. Душевный. Сердечный. С перспективами. Но какой-то несовременный. Всё – с уговорами. Всё – с обещаниями, которыми, как известно, сыт не будешь. Не деловой человек. Вот ни на столько не деловой! Это же надо: упустить такой товар! (Это я – о себе). А всего-то требовалось: предъявить гарантии состоятельности. В качестве небольшого залога нашей любви.

Как бы там ни было, я сделал выбор. А он мне помог. Господь, то есть. Своей непрактичностью. Поэтому ещё не известно, чей вклад в наш разрыв больше. Может, мне себя и винить не за что. Сам ведь учил отрясать прах.

И я отряс. И пошёл к другому. Молитв уже не творил: работал со своим текстом. Может, оно и лучше: со своим-то? Не по шпаргалке, всё-таки – от души. От сердца. В конце концов, не слова – главное, а мысли. Чувства. Отношение. Я твёрдо рассчитывал на понимание – даже когда ночь за ночью зря надрывался в темноте. «Ни «ау», ни отклика на моё «ау!» – как пелось в другой старинной песенке.

– Да вы, что, сговорились, что ли?! – И то: попробуй, тут, выдержать. – Ну, народ! Как же вы с таким отношением к работе план выполняете?!

И тогда я решил: всё! Хватит! Будь что будет! Как-нибудь

проживу и без вас! В ту ночь, когда я это решил, всё и произошло...

– Не договорились?

– Договорись с вами!

– Хоть бы удивился для приличия...

– («Для приличия»)?

Я развернулся всем телом и уставился в пустой угол, ответственный за ретрансляцию.

– Кто бы говорил!

– Да-а, ты – образец учтивости!

Там, в углу, не пожалели иронии.

– А молчать неделю?

Защищайтесь, милорд!

– Будто ты один такой!

Удар отбит!

– Будто к Вам очередь!

Поглядим ещё, кто из нас – лучший дуэлянт!

– Ну, очередь, не очередь – а народу хватает!

– Вот именно: «народу»!

– А...

Вот тебе и «а...»! Чего зря болтать?! Не слышал, что ли, лозунга «Береги минутку!»? Явился среди ночи – так давай о деле! И нечего тут набивать себе цену!

– («Народу»! «Пипла» – но не товара!)

– Торги объявляются открытыми!

Весёлый парень! Как тут не вспомнить Господа из «Фау-

ста»:

«Из духов отрицанья ты всех мене бывал мне в тягость, плут и весельчак!»

– ... Ты бы тогда хоть штаны надел – по такому случаю.

(«Ну, нахал! Прибыл не по сценарию, одет не по форме – и ещё права качает!»)

– Ха-ха-ха!

Хохот ночного гостя оказался совсем не таким, каким его «дают» в литературе. Там он – мелкий, drobный, противный. Должный вызывать немедленное отвращение к автору. А тут – «всё, как у людей»!

– «Не по сценарию»?

(«Телепат, что ли?!»)

– Это что: без клубов дыма, вспышек адского пламени и запаха серы? А «не по форме одетый» – это, как понимать?

– Очень просто. Трудно разговаривать с пустым местом... Ну, в смысле: Вы бы хоть как-нибудь проявились...

– Как прикажете? – хлестнул иронией голос. – В каком виде желаете меня узреть? Классический чёртик с рожками? Чудище из дантова ада? Апокалипсический Дракон о семи головах и десяти коронах? Рогатое парнокопытное с лицом, похожим на задницу, и с задницей, похожей на лицо? Или «джентльмен из общества» в чёрном смокинге, с характерным блеском глаз?

(«Последнее!»)

Я даже не успел огласить выбор: «джентльмен из обще-

ства» уже сидел передо мной. Похоже, товарищ и в самом деле подрабатывал телепатом. Джентльмен получился на загляденье: тёмные напомаженные волосы с зачёсом назад, аккуратные «полубаки», смуглое худощавое лицо, умные смеющиеся глаза. И – никаких козлиных бородок! Даже усов – и тех не было! Довершал портрет ладно сидящий на джентльмене смокинг явно не из магазина готового платья, белая накрахмаленная сорочка и галстук-«бабочка».

– А?

– Вполне съедобно!

– Тогда – к делу?

(Шарик – налево!)

– А чего тянуть?! Вам – первое слово!

(Шарик – направо!)

– Так что, слушаю Вас, Ваше... Ваше...

– Вот только не надо!

Ночной гость поморщился, как... как все нормальные люди.

– Не надо «Темнейшества». И «Сатанинского Величества» тоже не надо.

– А как же мне Вас называть?

– «Как ты зовёшься? – Мелочный вопрос

В устах того, кто безразличен к слову,

Кто к делу лишь относится всерьёз,

Кто смотрит в корень, в суть вещей, в основу!»

– Читал! – не удивил я его знанием Гёте. Как и он – меня. –

И всё же? Не хотите «Величеством», тогда...

Я отклонился взглядом в сторону – и пошёл по мыслям.

– ...Тогда... Ну, раз Вы – Князь тьмы, то – Ваше сиятельство?.. Нет-нет: Вы же – владетельный князь, государь, то есть... Тогда никуда не денешься: Ваша Светлость... в смысле: Тёмность. Ну, Ваше Высочество...

Мысль с опозданием догнала язык – и я почти виновато потупился: оскорбляю ведь товарища! «Недопочитаю» – и даже «недовоздаю»! Следовало немедленно реабилитировать его – да и самому реабилитироваться.

– Нет, без «Величества» не обойтись»...

– Ну, народ! – почему-то не одобрил меня гость. – Никак не могут без ярлыков!

– Так ведь – не муравьи: не по запаху же отличать... А можно, я буду называть Вас Мессиром?

– Мессиром?

Гость щедро поделился со мной наличным скепсисом.

– Не надо литературы! Называй меня... ну, например: Светоносный.

«Погладив себя по головке», «высокий гость снизу» даже порозовел. И вряд ли от смущения.

– Или лучше так: Хозяин. Кстати, Мессир в одном из вариантов перевода: «мой господин». Не коллаж из «мессии», «месье» и «сира» – а «господин»!

(«Господин! Мой!»)

Мне как-то сразу стало не по себе, но от комментариев я

благоразумно воздержался. Хотя меня наверняка «прочита-ли».

– Значит, мне – слово? – усмехнулся гость. – Опять «в на-чале было Слово»...

– Нет, зачем: «огласите весь список, пожалуйста».

По выражению лица Хозяина я сразу догадался: товарищ знаком с первоисточником.

– Весь список, говоришь... Но ты же знаешь: я – не коро-бейник, и лотков с мануфактурой не держу.

Я перестал улыбаться. Это было что-то новое в практике договорных отношений. Отход от канона? Как же он тогда думает рассчитывать? Не связкой же бус и не «серебром» на водку?!

– Не понял...

Я счёл за лучшее не оставлять сомнений при себе.

– Не бойся: не обижу!

– Здесь тоже – не фрайера!

На мгновение Хозяин перестал улыбаться. Явно связы-вались изъяны практики: клиентура-то, в массе своей – са-ми понимаете. И правильно: пусть знает, что «здесь вам не тут!».

– Чего же ты ждёшь?

– А Вы не знаете?!

– Знаю, но я работаю по безналичному расчёту! Идём в ногу со временем, так сказать.

Вот это новость! «По безналичному расчету»! Это – как?!

– Объясняю. У меня нет расхожего набора товаров и услуг.

А именно: банковских счетов в Швейцарии, машин, квартир, домов, дач, мест в престижных вузах, турпутёвок со скидкой, фирменных носков и галстуков, долей в уставных капиталах фирм, дочек влиятельных родителей на выданье, половых партнёров и партнёрш «с обложек», мальчиков и девочек... Ничего этого у меня нет.

Максимум того, что я мог сделать – это растеряться. И я сделал максимум.

– А что же есть?

Хозяин ободряюще улыбнулся.

– Ну, ну, приятель: не умирай прежде смерти. Я ведь поменял квалификацию, а не утратил.

Я чуть-чуть ожил.

– В последнее время я работаю исполнителем...

Ничего себе: аллюзии! От слов Хозяина дохнуло чем-то родным, от «тридцать седьмого» – и я отреагировал, как надо: вздрогнул. Хозяин растянул губы – пока ещё свои и всего лишь в улыбке.

– ... исполнителем желаний. Даже не так: гарантом исполнения желаний. Никаких товаров, никаких услуг, никакого прейскуранта! Характер желаний оговаривается при заключении сделки. Я только обеспечиваю исполнение. Буквальное.

(«Буквальное»... Вроде и уточнять нечего»).

– ...За маленьким исключением.

– Не понял? – не понял я. И правильно не понял: не слишком ли много «но»?! Что за договор: сплошные оговорки?!

– Ну, в твои лета не обязательно уметь играть на «стратокастере» и петь рок. Не мальчик уже.

Лучше бы я понял! Тут и не захочешь – а покраснешь: «в точку»! «Анонимный рокер-заочник»! Была у меня такая «мечта-идея», но как бы обращённая в прошлое. Я представлял себя рок-звездой не своих, «предпенсионных» лет, а в последнем классе школы. Очень уж хотелось мне, хотя бы постфактум, ретроспективно поразить одноклассников, а ещё больше – одноклассниц. Была там одна, такая... Мда...

– Я знаю все твои желания, – тактично игнорировал моё смущение Хозяин. – И полностью их одобряю, потому, что каждым из них ты перечишь Господу. Так держать! Поэтому всё, о чём ты только подумаешь, исполнится – даже если ты подумаешь об этом невзначай.

– А вдруг я загадаю не то желание? Не то, которое Вы готовы исполнить?

Может, и не стоило мне так ехидно косить глаза на Хозяина – но, что сделано – то сделано.

– Зря старался!

Это он – о чём: о вопросе или о его «сопровождении»?

– Среди твоих желаний таких нет!

А-а-а!

– Тогда, что ж мы тянем: к договору?

Ласка, с которой Хозяин посмотрел на меня, была какого-то нездорового оттенка. От «жёлтого дома». От тех, кто в белых халатах – по одну сторону решётки, в адрес тех, кто в полосатых робах – по другую. Если я не ошибся в интерпретации – обидно, честное слово!

– А зачем он нам? Зачем обижать друг друга недоверием? Мы – джентльмены, и вполне можем обойтись «джентльменским соглашением».

Неплохой каламбур: «джентльменское соглашение» – всего лишь форма устного договора, при котором обязанности сторон исполняются точно так же, как и при письменном его заключении. Эта форма была мне хорошо знакома. Все мои клиенты «на стороне» предпочитали не афишировать наши отношения и «благодарили за советы» «живыми» купюрами в конверте. Именно «джентльменскому соглашению» я обязан избавлению от необходимости изображать из себя «члена трудового коллектива»: на жизнь вполне хватало процентов от вложенного капитала.

– Вопросы?

Надо подумать!

– Один... Нет: два!

– Давай!

Для начала я многозначительно откашлялся. Но он как-то «не исполнился» – ни внимания, ни понимания. Знал наперёд, что ли?

– На какой срок заключается договор? Не предполагает ли сделка... характера «шагреновой кожи»?

Хозяин улыбнулся и поднял вверх большой палец.

– Хороший вопрос, приятель! Сразу чувствуется юрист! Можешь успокоиться: на продолжительность твоей жизни количество желаний не повлияет. Никак.

Я не понял. То есть, я понял, что мои опасения насчёт «шагреновой кожи» несостоятельны. Но я не понял, какой же тогда интерес преследует контрагент? А без интереса – какой ему интерес?!

– Это и есть твой второй вопрос? – двинул бровью Хозяин.

– Нет: всего лишь уточнение первого.

– Молодец. Вопросы, как и чудеса, надо экономить. Итак, мой интерес в сделке...

Я уже давно – минут пять, «как» – перестал удивляться талантам контрагента. В части подслушивания и подсматривания.

– Можешь не сомневаться: интерес есть. Ты прав: какой же

интерес – без интереса? Как и положено «по роли», мне нужна твоя душа. Но сразу оговорюсь: на сковородках и без тебя есть, кому сидеть. Так что, отступление от сюжета гарантировано. Что же – до времени...

Я напрягся: вот он, момент истины. Как минимум, «один из».

– ... Не буду интриговать тебя в стиле Христа: дескать,

о дне и часе, никто, кроме Отца Моего Небесного, не знает. О твоём дне и часе я знаю всё. Поэтому скажу прямо: мои обязательства перед тобой будут исполнены тогда, когда исполнится твоя мечта.

– ???

Но вместо разъяснений он заскрипел креслом.

– В должный час я появлюсь опять. Не думай, что бросаю тебя на произвол судьбы. Помнишь, как говорил мой оппонент: «Где двое или трое собрались во имя мое – там и я с ними!» Вот так – и я. Что бы ты ни делал, знай: я здесь, я рядом. И не потому, что я – «такой хороший», а потому, что твоя жизнь с сегодняшнего дня принадлежит мне. А я своим добром не разбрасываюсь.

Занавес опустился...

Глава третья

«Работая Бодхитхармой» – «постигая» стену напротив – я и не заметил, как наступило утро. Предраассветно серый угол был... предраассветно сер и представлял лишь себя самого.

Заснуть уже не было никакой возможности. Желания – тоже.

Я попытался взбодриться утренней прохладой – но не пошло. И я решил взбодриться другим способом. Тем самым, осуждаемым медициной. Особенно – поутру. Но я нуждался в нём именно сейчас, утром. Может, вечером мне уже и не захочется. Как человеку непьющему. Во всяком случае, много и водку.

И я выпил. Основательно, так, выпил. Коньячку. И полегчало: «всё стало вокруг голубым и зелёным». Главное: до мельчайших подробностей вспомнились события прошедшей ночи. Ведь, если покупатель не наврал, меня теперь ожидали замечательные приключения: всё, что ни пожелаю – и ещё какая-то «мечта всей жизни!» Ну, как тут было не разговеться «по полной»?!

И я «разговелся». «По полной». Проснулся я с лёгким сердцем и тяжёлой головой. Торопиться было некуда: вот уже второй год, как я уволился из фирмы, где занимал должность начальника юротдела. Успел уволиться. И даже –

по собственному желанию. Почему так? Да всё просто: фирма «крякнула», а учредители, хапнув своё и прихватив чужое, разбежались, кто куда, подальше от греха и ответственности.

Ну, а я был чист. Как и всякий пролетарий умственного труда. Моя работа легально протекала в судах и арбитражах, на виду у сотен «честных и неподкупных» людей. Я благо-разумно ничего не подписывал – даже ведомость на получение зарплаты, ибо получал не зарплату, а гонорары. Те самые – в конвертах. То есть, официально «голодал». Поэтому никаких претензий «товарищи из органов» предъявить мне не смогли.

А хотели: надо же было кому-то заместить отсутствующих учредителей на скамье подсудимых. Однако «заместителя» из меня сделать не удалось. Максимум, что мне могли инкриминировать – это «болванки», какие можно без труда найти в любом сборнике образцов договоров.

К огорчению «правоохранителей», в «болванках» не были проставлены ни реквизиты сторон, ни конкретные условия договора: на то они и «болванки». Предусмотрительность тут ни при чём: просто учредители решили на мне сэконо-мить. В противном случае пришлось бы «делиться»: господа уже имели возможность убедиться в том, что я – далеко не Павка Корчагин по части бескорыстного «служения долгу».

Ещё в бытность начальником, я подстраховался клиен-

турой: «на всякий пожарный случай». И после увольнения не остался без гонораров. Плюс – то, что «набегало» мне, как рванье. А печать в трудовой книжке «о постоянном месте работы» шлёпнули друзья. Для удовлетворения любопытства полномочных его проявлять.

Поскольку мне теперь не нужно было спешить – ни по делам, ни от безделья – я мог спокойно выгуливать собаку. Раньше приходилось делать это урывками, наспех, то и дело поглядывая на часы. Но «мог» не означает, что так и оно и было в действительности. Какая же ложка мёда – без бочки дёгтя?! Так ведь и жизнь покажется какой-то однобокой! Не будет полноты ощущения... «ея»!

Увы, но выгул стал для нас обоих целой проблемой. Особенно – для меня. И – не по причине излишней маневренности четвероногого друга. Это бы ещё ладно. Всё обстояло, куда серьёзней: значительную часть парка, где я – с соблюдением всех норм и инструкций – выгуливал собаку, «приватизировали» застройщики элитного дома.

Вначале они «оттяпали» у ребят из станции юного техника площадку для картинга: в этой секции удачно заняли делом трудновоспитуемых подростков – а ведь такие были шалопаи! Затем – все их «отдельно стоящие подсобные помещения» плюс «часть пустующих земель». И вскоре начали строить. Скромненький такой – как было заявлено – трёхэтажный домик на два подъезда.

В рекреационной зоне, где всякое строительство, как из-

вестно, запрещено. Теоретически. Какими-то, там, понимаешь, «инструкциями».

Но мы ведь живём в «правовом государстве», в котором право – это право тех, кому даны права. Или тех, кто надел ими себя сам. Говорить о праве в ином смысле применительно к обладателям солидных портфелей и кошельков даже как-то неловко. Потому что лишь они являются субъектами права. Его носителями. Объектами права у нас являются другие – те, которые не нажили никакого имущества, кроме «демократических свобод». Вот с ними у власти разговор – короткий. В духе этих самых «свобод».

Вскоре публика с удивлением заметила, что площадь парка начала сокращаться, как шагреновая кожа – а площадь застройки, соответственно, увеличиваться в размерах. Трёхэтажный домик стал восемнадцатизэтажным, а из двухподъездного превратился в шестиподъездный.

Протест оставшихся честными депутатов – бедные люди! – не оказался «гласом вопиющего в пустыне»: нарушителей немедленно призвали к ответу. Ими оказались... сами депутаты! А чтобы им впредь было неповадно «нарушать», их немедленно освободили от непосильного бремени депутатства. Нашли за что: у нас это – не проблема. У нас ведь при желании можно и телеграфному столбу инкриминировать акт терроризма, наткнись на него «по пьяной лавочке» кто-нибудь из «сильных мира сего».

Депутатов избавили не только от наличного бремени,

но и от будущих притязаний на него. Уже как непонятливым кандидатам, им инкриминировали традиционное для таких случаев «преступление»: якобы некоторые из «голов» не в том месте поставили свои закорючки. «Неподкупные» «слуги народа» в очередной раз продемонстрировали свою «неподкупность». «Слуги закона», к которому – не иначе, как в простоте душевной – пытались воззвать правдоискатели, по части «неподкупности» могли ещё и фору дать всем другим «слугам». Потому, что закон у нас – вотчина его слуг.

Возведение по соседству с шестиподъездным домиком теперь уже двадцатичетырёхэтажной громадины являлось как бы дополнительным свидетельством «кристальной чистоты» дел и помыслов всех этих «блустителей» и «стражей». В результате парк уменьшился до размеров половины футбольного поля. А по растёртым в пыль некогда асфальтированным пешеходным дорожкам, распугивая прохожих, животных и мамаш с колясками, который уже месяц носились самосвалы, бетономешалки, панелевозы и автокраны. И ни один «блуститель», прячущийся здесь от начальственного глаза и преступного элемента, не пытался отреагировать на это безобразие хотя бы укоризненным взглядом: не дай Бог, увидит застройщик, он же – кормилец его начальников!

Зато меня – рядового владельца маленькой собачки, выгуливающего её в нескольких метрах от ревущего самосва-

ла, можно безопасно для себя «призвать к порядку». Ну, как тот фонарный столб. То, что самосвал буквально пятки отдал – это «ладно», а вот хозяин с собачкой – это злостное нарушение общественного порядка!

Уж, как старательно я избегал встреч с этими «господами-товарищами»! Грешным делом, «сердцу не прикажешь»: я люблю... людей, а не этих... «блюстителей». Ну, хорошо – смягчим: я люблю людей мыслящих... головой, а не погонами и не сапогами. Да и энциклопедисты среди господ «блюстителей» мне как-то не попадались. Ну, вот, не повезло. Мне не повезло. Всё больше я встречал на своём пути людей, «мыслящих» дубинками-«демократизаторами». Общение с этой категорией «мыслителей» никогда не входило в число моих приоритетов.

Несмотря на принятые меры, несколько раз я всё же попался. Старательно отводя взгляды от незаконно возводимых строений, «блюстители» цепляли ими меня. Но я их за это не осуждаю: сам виноват. Не сориентировался в обстановке. Неправильно определил расстояние до ближайших кустов. Не рассчитал скорость.

Меня застигали, можно сказать, *in flagranti delicti*: на месте преступления. И вот до чего противный характер. У меня. Нет, чтобы повиниться, дать слезу, порыдать на тему «Прости, дяденька, застранца!» – я непременно «лезу в бутылку». Обязательно начинается «обмен мнениями». Удивляюсь, как меня до сих пор не «привлекли»: только однажды

пришлось раскошелиться «на штраф». Из кармана – в карман. Хорошо ещё, что хватило ума не требовать квитанции – а не то я сейчас писал бы не эти записки, а письма из «учреждения закрытого типа»!

Проходя мимо «новостройки» – иначе и не пройти – я, как всегда, бросил взгляд на верхний этаж. Сегодня там околачивался весь «бомонд» застройщика. Это было заметно уже по одному лишь «парадному дефиле» «крутых тачек» внизу. Застройщики вели себя как зондеркоманда в захваченном городе – и не только не скрывали, но и всячески подчёркивали это.

И тут я размечтался. В своём стиле. Как это я делал всегда, «проходя мимо».

«Ты уйдёшь через десять секунд вместе со всем, что находится за забором. Время пошло!» Эх, если бы это пожелание сбылось: разом бы навели порядок! Жаль только, что не сбудется...»

Мы с Шарлем уже сделали дюжину шагов, как вдруг я услышал за спиной характерный звук, напоминающий шум скоростного лифта. Я оглянулся – и увидел, как последние этажи уходят под землю вместе со всем содержимым. Уходят так мягко и быстро, словно тонущий пароход в кинохронике. Через мгновение на месте, которое только что занимали почти достроенные дома, находилось... просто место. Пустое место. Ровная площадка, без строительных материалов, оборудования, инструментов, техники. И без строите-

лей. Без всех этих «излишеств». Вместе с ними исчез и забор, отхвативший львиную долю парка.

У пустыря мигом собрались зеваки – так что моё изумление быстро «обезличили». Народ ничего не понимал. То есть, был адекватен себе. Никакого «научного» объяснения «феномену» у публики не находилось – даже если бы его искали. Городишко наш не имеет под собой ни карстовых пустот, ни подземных морей. И от ближайшего геологического разлома мы находимся на удалении двух тысяч километров. Вот, разве, что угольные пласты... Так под городом никогда не велась выработка.

Народ был потрясён: хоть какое-то развлечение для простого люда. И потрясение его было каким-то здоровым, оптимистичным, бодрящим. Потому, что для «совка» нет ничего приятнее неприятности для буржуя. Да и зрелище впечатляло – пустотой и её размерами.

И только тут до меня начало доходить, что всё случилось на счёт «десять» с момента команды «Время пошло».

«Вот те раз! Нет: совпадение... Не может быть... А вдруг?! Тогда нужна дополнительная проверка!»

Цинично? Ну, зачем так уж сразу! Хотя почему-то я не рвал волосы на голове. И вряд ли – из экономии. Да и не до лирики было: глаза мои, словно магнитом, притянуло к «дефиле» «крутых иномарок».

«Пусть они все уйдут под землю! Через пять секунд! Время пошло!»

Отдав команду, я впился глазами в ближайший ко мне «лексус».

Но ни через пять, ни через десять, ни двадцать секунд ни он, ни его столь же «благородные коллеги», не исчезли.

– Не понял... – не понял я. Вслух не понял. Пугаться непонимания моего непонимания окружающими не стоило: все тем только и были заняты, что «не понимали». Все вместе и каждый в отдельности.

«В чём дело? Время установил... Команду дал... Желание заг...»

Я с размаху вlepил себе по лбу. И уже – не мысленно.

«Желание! Есть ведь строго определённая формулировка! Как там... Ч-чёрт... Ну, загадал же я как-то, чтобы эти дома провалились под землю?! Тьфу, ты!.. Ага: „Ты уйдёшь через столько-то секунд“. Вот оно – „дорожное напутствие“ на все случаи жизни!»

Занятой «охами» публике не было до меня никакого дела. Тем лучше: никто не помешает спокойно поработать.

«О, кей... В таком случае: «Ты уйдёшь через три секунды!»

Я уставился взглядом в «лексус».

«А вы...»

Взгляд скользнул по рядам иномарок.

«Через три секунды от него, с интервалом в три секунды друг от друга, слева направо! Время пошло!»

Прямо как «К торжественному маршу... побатальон-

но... на одного линейного дистанции... равнение направо... управление прямо...»!

«Ну?!»

На счёт «три» «лексус» вместе со стоящим рядом пижонистым водителем дематериализовался. Так, будто его и не было. А за ним, словно элементы последовательного соединения, начали исчезать и все остальные. И – тишина. На всё ушло секунд тридцать, не больше. Как это, там, у поэта: «Нечеловеческая сила земное сбросила с Земли»? Очень верно – особенно насчёт «нечеловеческой силы». Почему-то подумалось: её работа.

Вот теперь толпа, уже начавшая утомлять своей обыденностью, пришла в движение. С воплями все бросились врассыпную, совершенно необоснованно возводя себя в ранг следующих жертв неизвестной стихии. Можно было спокойно подводить итоги.

Что я чувствовал, восстановив статус-кво парка? Боюсь показаться циничным – но лишь то, что статус-кво восстановлено. Всё. А то, что на его пути оказались те, кто... оказались, то это – их личный выбор. Никто не заставлял их лезть сюда со своими миллионами. Мы ведь живём в демократической стране: они сделали свой выбор, я – свой. И чей-то должен был стать преимущественным: такова диалектика бытия. Вт так: «всё, что было загадано, в свой исполнится срок». Буквально, то есть.

«Буквально»!

Я обомлел: «Хозяин! Это же – его: «Я обеспечиваю исполнение. Буквальное»! «Значит, исполняться будут именно ТАКИЕ мои пожелания – и именно ТАК?! Буквально?! Вот это номер! И назад не отыграешь: сделка состоялась! Ну, дела!»

Да, мои желания действительно носили специфический характер. Так уж сложилось «исторически». По причине неутолимой жажды справедливости и «революционного романтизма». В духе Робеспьера и замечательного изобретения талантливого инженера Гильотена. Но в желаниях моих не было ничего «чикатилистого». Я только загадывал их. В формулировке: «ты уйдёшь через столько-то секунд». Исполнение никогда не было для меня приоритетом. Это были, скорее, мечты, а не желания. И желал-то я – в исключительных случаях. Когда допекут. А так... «Мы мирные люди – но наш бронепоезд...» Я всегда стремился «откланяться на безопасном расстоянии».

«Откланяться...» А это – идея! Если сбылось одно желание, то, может, сбудется и другое – то самое, которое постоянно возникало у меня при виде «блюстителей»?».

На всякий случай, я «стрельнул» глазами по сторонам. «Стрелять» было не в кого: «мишени» давно уже рассредоточились, оглашая парк воплями и оживлённым пересудом. Тогда я взял Шарля на руки и выглянул за поворот.

– «Там!»

«Там» – это дома! И ведь свершилось! Чудеса, да и толь-

ко!

«Нет, не чудеса: договор вступил в действие. Секундомер включён, как говорят спортсмены».

Странное ощущение: вроде и радоваться надо, но... Если это и праздник, то лишь тот – «со слезами на глазах»... Или, вот, ещё говорят: «светло и грустно». Раньше смеялся: если «светло», то отчего же «грустно»? Теперь – не до смеха.

«Ну, что ж: „взялся за гуж...“ Как это у Есенина: „к старому возврата больше нет“? Значит – только вперёд»...

Глава четвёртая

Осознание факта было неоднозначным. Но осознание не мешало факту иметь место быть. Похоже, открывалась новая глава моей жизни. И, увы – заключительная. Оставалось лишь верить: настолько долгая, чтобы Хозяин извёлся в ожидании.

Было, о чём задуматься. Перемены намечались во всём: в режиме дня, в *modus vivendi*, в *modus operandi*, в мыслях и взглядах на жизнь. Ничего удивительного: такие возможности! Я всегда их желал – но теперь немножко страшился. Страшился последствий: уж, больно нестандартными были некоторые мои желания!

Имелся и ещё один момент: за всё надо платить. И по высшей мере. Отсюда – вопрос: стоит ли, в таком случае, размениваться на «раздачу хлебов и рыбин»? (Были у меня и такие мысли. «Общечеловеческие». Когда-то. Не дай, Бо... словом, вдруг и их Хозяин обратил в желания?)

Ну, уж, нет: «моё – это моё!», как сказал один средневековый товарищ. Понимаю, что совсем не похожу на Робин Гуда, но открою небольшой секрет: в робин гуды я и не лезу! Не стоит жертвовать своей душой для того, чтобы облагодетельствовать неблагодарное человечество. Наверняка отыщется тот, кто попрекнёт тебя твоим же даром: люди, известное дело – сволочи. Кому-то не достанется горбушки,

кому-то – горбуши, а крайним будет, как всегда, дурак-донатор! «Entschuldigen Sie, bitte, но никаких bitte!

В процессе раздумий мой взгляд случайно упал за окно. Прямо на группу «товарищей господ» из городского начальства. Чиновничий «пейзаж» зачем-то оживляли пожарные. Словом, классика. На тему «демократического реализма»: «не стая воронов слетелась!» Как всегда, оправдано было лишь присутствие начальников: их мёдом не корми – дай продемонстрировать «единение с народом». Перед телекамерами. Вот и сейчас «ставленники-избранники», старательно пряча отсутствие мыслей – в том числе, и друг от друга – изображали это самое «единение».

Последними, как водится, явились те, кому положено являться первыми. Нет, речь – не о чертях: о спасателях. Компанию им составляли буровики и геодезисты. Зачем-то. Опредившим их чинам представился лишний повод «порадеть за народ». Перед камерами. По получению обязательных, но совсем не обязательных «указивок», служивые приступили к замерам и взятию проб. Судя по их выразительным ролям, им стало ясно, что дело – тёмно.

Первозданный целик с изначальной плотностью и структурой, совершенно не потревоженной устроителями «нулевого цикла», не давал оснований для другого вывода. Это лишало возможности использовать «домашние заготовки». В качестве версий. А о том, чтобы приступить к подвигу, и речи быть не могло. Место было совершенно необорудо-

ванным для героических дел: ни пожара, ни наводнения.

Несостоявшиеся спасители сразу поняли, что им надо делать.

А именно то, что делать им здесь было решительно нечего. В отличие от начальников, им полагалось работать, а не надувать щёки. Они и с замерами особенно не напрягались: как-то поняли, что «не замеряется». И, получив на дорогу «добрых напутствий», вскоре отбыли на менее значимые места происшествия, куда чиновничья нога обычно не ступает. По причине доверия к специалистам своего дела.

В отличие от спасателей, я знал глубину залегания «вещдоков». Точнее, я знал – от Хозяина – что не было ни глубины, ни залегания: дома вместе с «содержимым» и «приложением» прошли мантию и пополнили собой массу ядра. По причине температурного режима последней – вряд ли надолго. Только не надо обзывать меня мизантропом! Мизантроп ненавидит всех, а я – некоторых... не люблю. Даже не так: я люблю некоторых. Людей. Собаку свою, например. Потому, что чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся животные... Кажется, забыл поставить кавычки... Но плагиат – вполне уместен: по существу.

А за «мизантропа» можно даже... нет, не схлопотать по шее: вступиться! Да-да: вступиться! Ведь что такое «мизантроп»? Это – просто философский взгляд на жизнь. Своеобразный, неординарный, экстравагантный – но всего лишь взгляд на жизнь. Или же все должны изображать из се-

бя праздничный плакат? Так это, насколько я знаю, сценарий для райских поселенцев. Там, под руководством строгих «дирижёров», «везунчики» и будут сутки напролёт отрабатывать свой «счастливый билет»: не одним же серафимам надрываться?!

Положа руку на сердце: ну, какой я мизантроп? Человек я – тонкий, деликатный, ранимый. А душа у меня – как цветок... который всякая сволочь норовит затоптать сапогами! А я ведь прошу одного: «ребята, давайте жить... порознь!» Я вас не трогаю, вы – меня! Нет: всё время пытаются «охватить» и «вовлечь»! Всё время пытаются навязать своё общество! А я не хочу быть членом общества!

Конечно, я согласен с Марксом: невозможно жить в обществе и быть свободным от него. Согласен. Полной свободы от общества, о которой мечтал ещё Антисфен, быть не может «по определению». Так я не максималист: дайте хотя бы частичную! Не дают... О какой уж, тут, любви может идти речь? И какой человек, если только он человек порядочный, сможет после этого «крика души» обозвать меня «мизантропом»?!..

Но пока я реабилитировал себя философически, на стройке тоже были заняты делом: искали... «козлов отпущения». А для чего ещё у нас создаются комиссии? Искали их недолго: по причине отсутствия. Потому, что для обнаружения требовалась хотя бы половинка кирпича, в которой, по сценарию, должны были иметься производственные

дефекты и нарушение технологии. Но не было и половинки! Ничего не было!

А вот траурный митинг был. На месте гиб... исчезновения объекта. В отсутствие «козлов» всё списали на стихию. Это она, как всегда, некстати «показала свой норов» и «вырвала из наших рядов»... Здесь ораторы, все, без исключения, запинались. И в самом деле: их ряды были тесны, как никогда. И с каждым днём «теснели» всё больше. Это – к вопросу об «оптимизации управленческих структур и административного аппарата».

Был ещё один деликатный момент: в списке выбывших значились одни только «гости нашего города». Незваные «гости». Нелегальные. Да и списка, как такового, не было: помянули лишь тех, кого вспомнили. «Трудовой коллектив», как оказалось, менялся каждый месяц: так дешевле. Для застройщика: эти дяди и тётки считать умеют.

И, потом, кругом только и слышно: нелегальная миграция, нелегальная миграция! Прямо, корень всех бед: тут тебе и рост преступности, и пьянство, и наркомания, и проблема трудоустройства «коренных», и нарушение трудового законодательства! Впору было задаться вопросом: может, не траурные мероприятия надо проводить, а торжественные? По поводу частичного решения проблемы? И я бы даже сказал больше: по поводу обнаружения способа её решения? А?

Вероятно, эти мысли в той или иной степени посещали головы всех ораторов. Свидетельством тому было полное от-

существование минора на их откормленных рожах. «Но, сколько чего-нибудь в одном месте убавится, столько же того же прибавится в другом». Это – по части минора в мозгах претендентов на вчера ещё элитную площадку. Кончились претенденты. Нет: только как претенденты – не подумайте, «чего»! Поэтому её – площадку, то есть – «за ненадобностью» вернули кружку юных картингистов. Вот уж, кто порадовался «разгулу стихии»!

Даже «богобоязненные» старушки после многолетних «посиделок» на паперти дружно заключили: «Есть, всё-таки, Бог!» Не знаю, правда, как Господь воспринял отнесение этих дел на свой счёт – но немедленных санкций в отношении бабулек не последовало. Может, решил отложить «на потом»? А, может – и мне это как-нибудь зачтётся? В части положительного сальдо?

«Миль пардон, Хозяин: вырвалось! Помимо желания! Ради Бо... Тыфу ты... не подумайте только, что я «работаю на два фронта».

Вскоре в городе таким же странным образом исчезли ещё несколько незавершённых строительством «объектов элитной недвижимости» на элитных же участках в самом центре. Некогда – по недогляду или благодушию чиновников – они «исполняли обязанности» детских площадок, палисадов и даже мест под контейнеры с мусором: возмутительная расточительность! Как и в первом случае, причину исчезновения удалось определить быстро: «неизвестный фантом при-

роды».

И ещё – по поводу «объектов элитной недвижимости». Тех самых, что ещё не были охвачены работой. Моей работой. «Вразумлённые» странной избирательностью «неизвестного фантома», все «богатенькие нашего города» стали в «пожарном порядке» сворачивать активность – и не только в центре. Причина такой невероятной «порядочности» была проста: все они получили право на застройку, ну, очень «законным образом».

Как результат, площадки вернулись их прежним хозяевам. Больше всего «великодушию» застройщиков радовались дети. Да и остальной народ, наконец, смог наглядно убедиться в том, что не все предприниматели – «сволочи, как один!» Оказывается, находится один, который не сволочь. А то и два! Те самые, кто добровольно, не требуя возврата давно потраченных взяток, содействовали восстановлению справедливости! Ура бизнесменам! Виват!

В итоге все оказались довольны. Даже несостоявшиеся застройщики, ибо они так же не состоялись и как покойники. Тут уж грех жаловаться. На короткое время в городе воцарилось «общественное согласие». Демократия победила «демократов».

Глава пятая

Чего больше всего хотят люди: лицемерие отдельных экземпляров – не в счёт? Думаю, что не ошибусь с ответом: денег. Точнее: больших денег. Я – не исключение: в стандартный набор моих грёз входили мысли и на эту тему. Мысли не о финансовом достатке, но о таких суммах, которые можно тратить, не оглядываясь на завтрашний – и даже послезавтрашний – день.

Конечно, не рублём единым жив человек. Согласен: и долларом – тоже. И евро. И фунтом. И швейцарским франком. И прочей конвертируемой валютой. И даже давно не существующим обеспечением: золотом и другими активами. Ибо деньги – это... Это – ДЕНЬГИ! (Все буквы – заглавные!)

Но для нас, эстетов и интеллектуалов, деньги выполняют не только функцию платёжного средства: они – один из фундаментов души. Одна из её опор. Именно благодаря этим маленьким кусочкам волшебной бумаги мы и имеем возможность удивлять мир своим эстетством и интеллектом.

Значит, надобно соответствовать. А какой же я эстет... со старым компьютером? Конечно, можно купить новый. Но ведь это – тысяча долларов! И не «дядиных», а своих?!

Да, как у эстета, у меня высокие духовные запросы. Правда, если Присыпкин у Маяковского мечтал о зеркальном шкафе, то я мечтал о ноутбуке. Ну, как мечтал: хотел приоб-

рести – а тысячи долларов жалко. Мечта на уровне кошелька на дороге: открываешь – а там... Ну, а дальше всё будет хорошо.

Поскольку «кошелёк на дороге не попадался», а свой открыть я так и не решился, пришлось обратиться к мыслям. На тему спонсоров. Может, экспроприировать экспроприаторов? Восстановить справедливость «в натуральной форме»? Неэстетично: какие же мы после этого интеллигенты? «Взять» банк? Тоже, как-то... не очень. Я бы ещё согласился взять – но только «из». Из банка. Разумеется, на безвозмездной основе. Лучше всего – негласно. Но...

Стоп! И вот тут я остановил течение мыслей: выход был найден. Вместе со спонсором. Итак – только заимствование. Безвозмездное. У кого? Да у любого «богатенького» – у кого же ещё? Основание? Сколько угодно! Да, вот, хотя бы книга «Акулы капитализма» из романа «Золотой телёнок». Та самая, которую Остап Бендер презентовал Корейко. Даже не вся книга, а только одна строка в ней: «Все крупные современные состояния нажиты нечестным путём». Вопросы? Какие, ещё вопросы: экспроприируя экспроприатора, я частично восстанавливаю справедливость. Пусть только – в отношении самого себя.

Поскольку я – человек порядочный, непьющий и некрадущий, то универмаги и прочие бутики исключались полностью и сразу.

Следовательно, кроме как в пункт сосредоточения значи-

тельных денежных масс, мне и идти было некуда.

Почему так многословно и неконкретно: «Пункт сосредоточения...»? Не проще ли сказать: в банк? Согласен: проще. Только банк я оставлял «на сладкое». Туда надо идти, потренировавшись на объектах помельче. Например, на валютном «обменнике». А что тут такого: дело для меня – новое, неосвоенное. Поднабраться опыта не помешает.

Ровно в полдень я взглянул на часы: был ровно полдень.
– Пора... на работу.

«Обменник» я присмотрел заранее: несколько месяцев тому назад менял там крупную сумму денег. Крупную для меня: цифру называть не буду, а то ещё засмеют... некоторые. Так вот: «обменник» мне сразу понравился. Своей солидностью. Солидностью своих клиентов. Все основания для экспроприации были в наличии. И мысль об этом мелькнула у меня уже тогда. В виде готового решения.

Сейчас мне нужно было лишь освежить в памяти «детали интерьера»: расположение входных дверей, кабинок, окошек, сейфов, наличие и устройство служебного входа. Всё остальное: выход на объект, акт экспроприации и отход – обеспечивала нечистая сила. Согласно условиям договора. Джентльменского соглашения, если быть точным.

«Там!»

Какое, всё-таки, неудобство! Нет, чтобы – как у всех нормальных людей: пожелал – и вот он, предмет желания! Перед тобой! Увы, но грешить следовало только на себя: недо-

работал в своё время. Перестарался по части оригинальности. Желания исполнялись в точном соответствии «с буквой» и «духом». А чтобы «как у всех нормальных людей», то и желать надо было по-простому. Без «Там!» и прочего. Например: «Хочу сладких груш! Можно – с мёдом».

Но качество перемещения – отменное! Ничего не скажешь: и сам не заметил, как переместился. Только что аккуратно приклеивал слюной волоски к затылку – и вот уже стою в коридоре «для служебного пользования». Дверь служебного входа – за спиной. Дверь в одну из кабинок – прямо перед носом. Значит, сейф – правее. Носа.

А вот – ещё одно неудобство. Хозяин оказывает содействие только в доставке тела, но не в уточнении координат объекта. То есть, «попадание в кол», как говорят ракетчики, вовсе не гарантировано. Очень неудобно. Но опять же: всё – по закону. По договору, то есть. Ведь в пожеланиях о координатах ничего не говорилось: я мечтал только о беспрепятственном «выходе на объект». Мечтал? Получите!

Но что-то же я должен бы сделать сам? Своими руками? Точнее – глазами? Ещё точнее – мозгами? Вот и сделал – а дальше всё пошло, как по маслу. Точнее: как в масло, поскольку рука моя вошла в стену, как нож – в масло. В растительное. Но точно не в масло: не чувствовалось сопротивления. Вообще. Нулевая потеря тепла. Как в сверхтекучей среде – мечте всех физиков и энергетиков.

Порадовал и момент выноса. Как будто я не через стену

его совершил, а взял деньги «с парадного крыльца».

«Кюпюры!»

В руках у меня лежали пачки долларов. Стандартного наполнения. По десять тысяч – в каждой. Но радовался я недолго: вдруг стало стыдно. Ужасно стыдно. И не за бесцельно прожитые годы, а за одну лишь минуту. За неверие в собственные силы. За мелкотравчатость. За то, что я размениваюсь на пустяки и, вместо того, чтобы грабануть... тьфу, ты, что я говорю: обслужить банк, залез... зашёл... ну, был занесён в ничтожный «обменник»! Стыд-то, какой! Это я-то, эстет и интеллигент: нет, чтобы сразу взять миллионы – так позарился на какие-то гроши, недостойные масштабного человека!

С лицом, разъедаемым краской стыда, я немедленно восстановил «статус кво». И даже успел разобрать смену воплей за стеной: с горестных – на изумлённые. Результат моих манипуляций явно не остался незамеченным. Итог: ноль – в карманах, горький осадок – в душе, и ненужное «паблисити»!

«Там!»

Я вернулся домой: сегодня ни о какой работе не могло быть уже и речи. Мы, интеллигенты – настолько ранимая публика, что способны «жевать сопли» даже при полном их отсутствии. Следовало успокоиться, забыть и забыться. И я решил эту триединую задачу – при помощи всего лишь одного средства. Какого? Да коньяка – како-

го же ещё! Вечной «палочки-выручалочки» интеллигентного «че... ка». «Эликсира жизни», можно сказать.

«В банк! Только – в банк! И только – в государственный, иначе я себя уважать перестану... ну, или не начну...»

Это я думал уже на следующее утро: вечером мне действительно удалось забыться. Всего лишь за одну бутылку! Теперь же во мне воскресли лучшие качества индивидуума: наглость, нахрапистость, эгоизм в степени эгоцентризма, наплевательское отношение к трудностям и их носителям. С качествами воскрес и я. Вот таким можно идти на дело. Даже не так: таким ТОЛЬКО и можно идти на дело!

В мыслях я уже неоднократно «проворачивал» эту операцию, поэтому никаких сюрпризов Хозяин подкинуть мне не мог: желания-то должны исполняться буквально! Я знал об этом банке всё, что следовало знать. Ещё совсем недавно я был частым гостем в этом учреждении. Нет, не в качестве клиента: в качестве друга. Не банка, разумеется: моей подруги, которая имела на меня виды. Напрасные, к слову. Но это было не единственным её достоинством. Куда более значимым для меня являлось то, что она работала начальником отдела. Не помню уже, какого – да это и не важно в контексте решаемой мной задачи.

Статус «женишка» «невесты» –начальницы позволял мне относительно спокойно «определяться по месту». Со временем я научился ориентироваться в лабиринте банковских коридоров и тупиков: какой дурак только его строил?! Тут

не только данники Миноса – но и сам Минотавр заблудился бы и сдох от голода!

Единственное, чего я так и не смог выяснить: где точно находится хранилище? Ну, не станешь же пытаться «невесту» – а прямо спросить неловко: интеллигентность вкупе с осторожностью. Я узнал лишь то, что, что хранилище располагается где-то у чёрта на куличках. Но координаты означенных куличек выяснить не удалось: чёрт почему-то молчал. Наверно подумал, что таким хитрым способом я хочу нарушить условия договора: «что заказал, то и получил».

Пришлось частично демаскироваться, чтобы узнать, что хранилище – под кассой, а касса... Нет: не «в яйце» и «не в зайце»: у чёрта на куличках. Но теперь я мог посмеяться над чёртом: координаты этих куличек имелись на плане. На плане эвакуации из помещения в случае пожара. «Глубина залегания» меня не волновала: я – не налётчик, не террорист и применять буры, автогенные или взрывные устройства не собирался. Мне – хоть метр толщина стен, хоть километр – всё едино. Требовались всего лишь точные координаты: широта и долгота. В таком случае Хозяин вынужден был бы доставить меня по адресу, которого я не мог представить себе визуально.

«Там!»

Я уже открыл рот, чтобы подать команду, но передумал. Сегодня предстояла нестандартная «телепортация»: я ведь так и не узнал место нахождения хранилища. Следовательно-

но, обычный «там!» отменялся: появиться в банке «в лице» я не могу. Увы, но статус «женишка» имел и обратную сторону – а у меня сегодня не было времени на любезности.

Таким образом, предстояла необычная транспортировка: по другому измерению. Не спешите крутить пальцами у висков.

Это – не бред и не фантазия: это – моё желание. То самое, которое должно буквально исполняться Хозяином. Согласитесь, что фантазия и желание «в таком контексте» – это далеко не одно и то же.

Теперь я мог спокойно дать команду – чтобы тут же оказаться... над банком. Точнее: в банке, в одном из его коридоров – только на высоте трёх метров от пола. Почти под самым потолком. И ещё зазор оставался: хорошо, всё-таки, строили при «проклятом сталинизме»!

Я висел... стоял... находился на странной опоре, сквозь которую мог видеть абсолютно всё происходящее внизу – да так ясно, как не увидишь и сквозь стекло. «Почва», что была сейчас подо мной, не имела ни вида, ни формы, ни плотности. Всюду, куда только мог достать мой взгляд, не было ничего. Вообще ничего: в наличии имелась лишь пустота, стопроцентная в своей стерильности и прозрачности.

Ощущение – необычное: как будто стоишь в воздухе. Ладно бы: «висишь» – «плавали, знаем!» – а то ведь именно «стоишь»! Как на земле! И, несмотря на то, что под тобой нет никакой опоры – опора есть! Ну, то есть, ты понимаешь,

что она есть... должна быть – иначе бы ты уже пошёл по головам! Ты понимаешь это – но не чувствуешь её! Совсем!

«Где-то подо мной» роились «стада» огромных разномастных мух. Параллельно мне – словно из другого мира.

«Так вот ты какой, цветочек аленький?»

Всюду, куда только доставал глаз, не было ничего. Даже классического тумана из фильмов ужасов. С туманом – всё не так одиноко, особенно если за ним прячется какой-нибудь Фредди Крюгер с набором слесарных инструментов. Но тумана в наличии не имелось. Всё было ясно, светло и прозрачно. Как в залитой галогеном стерильной операционной – только без оборудования, инструментов, окон, дверей и стен. «Без ничего». Куда ни взгляни – стерильная пустота.

Так как здесь глядеть было не на что, я взглянул вниз.

«Ба: да это же – касса! Ну, и точность!»

Сама касса меня не интересовала: мой интерес лежал несколько ниже. В буквальном смысле.

«Вниз!»

Ага: хрен, там! Ни спуститься, ни наклонить «измерение» хоть на градус, чтобы спрыгнуть: зря пытел! «Измерение» тянулось строго параллельно объекту. Точнее, его плоскости. Ни о каком «вверх-вниз» даже на градус и речи быть не могло.

«Похоже, этот параллельный мир – всего лишь эквивалент „шапки-невидимки“: залез – и спрятался... Других функций у него нет... „Шапка-невидимка“ -то тоже предо-

ставляет всего лишь одну услугу...»

Оставалось только одно: дать команду «Там!» Правда, я не вполне представлял себе, где это «там», но отправляться на его поиски у меня не было ни времени, ни желания.

Так я думал и в порядке самооправдания – можно было подготовиться и получше – и для предъявления «объективных трудностей». Главный же мой недочёт заключал в том, что ещё Киса Воробьянинов определил словами: «хочется поскорее». Уж очень не терпелось мне стать обладателем миллионов – отсюда и «брачок» в подготовке.

«Там!»

«Это я удачно зашёл!» – мелькнуло у меня в голове: рот был занят изумлением. – «С прибавлением Вас, уважаемый банк!»

И это – не шутка: «детали интерьера» наглядно свидетельствовали о том, что «нашего полку прибыло». Я бы даже сказал точнее: «нашим полкам прибыло»! И – совсем недавно. Да и перед кассой не случайно толпился народ «солидной наружности»: сегодня явно обслуживали банки второго уровня, что уже само по себе – уровень!

Хотя и без «свежака» я бы не остался внакладе: в банке всегда имелось в наличии «энное» количество денежных знаков. Это я узнал – «так, между прочим» – у подружки. А поскольку «по сценарию» я могу унести с собой лишь то, что могу унести с собой, то мне вообще не о чем было беспокоиться.

Но «свежее» пополнение, не скрою, бодрило. Насколько я узнал – опять же от подружки – купюры с большим количеством нулей всегда пользуются спросом, уходят быстро и в наличии бывают не всегда. Я готов был взять всё, что мне мог «предложить» банк – но теперь я мог взять только то, что хотел: купюры в пятьсот евро и в пять и десять тысяч рублей. Это сразу даёт приличную сумму и очень удобно в плане транспортировки: в одной пачке купюр номиналом в десять тысяч рублей – миллион! Солидно. Как минимум, солидно звучит. Да и пятьдесят тысяч евро в одной пачке тоже – не «кот начхал», как выразился один киношный интеллигент. Я, интеллигент настоящий, выразился бы иначе – и не на тему кота: «не хрен собачий».

Глаза мои не разбегались. Они «твёрдо знали», на что смотреть. Из всех деталей интерьера меня, как и любого нормального человека, могли заинтересовать только стеллажи с мешками.

«За работу!»

Поскольку «измерение» всё время торчало на одной высоте, и не выказывало ни малейшего намерения изменить своё положение ни на дюйм, ни на градус, пришлось тянуться рукой. Дотянулся. Вытянул – и затанул. В измерение: а где ещё заниматься «бухгалтерией»?

Сумка была «классического наполнения»: сто пачек по сто номиналов в каждой. Купюры – по десять тысяч рублей каждая. То есть, всего на общую сумму в сто миллионов

рублей.

«Согласен: беру!»

Что же до валюты, то «растекаться мыслью по древу» не стоило. Да и о харе не мешало подумать: не ровён час, «треснет». От избытка удовольствия. Ибо сказано: «жадность фрайера сгубила».

«Не много ли товару взял, Абдулла?»

Должен заявить со всей ответственностью, как человек, теперь уже бывалый: разместить на себе сто пачек по сто «листов» в каждой – задача нелёгкая. В прямом смысле. Своя ноша, конечно, не тянет – но... тянет – и ещё, как! Я загрузился так, что напоминал собой монструозный гибрид Квазимодо и завсегдатая пивных. Хорошо ещё, что «продержаться» нужно было только до подачи команды «Там!»

И я уже изготовился её дать, как вдруг бронированная дверь медленно, с классическим «страшным» скрипом отошла в сторону – и несколько здоровенных мужиков в банковской униформе, громыхая «трёхэтажным» матом, ворвались в хранилище. Не меньше трёх минут они пальпировали миллиметровые зазоры между бронированной стеной и такими же стеллажами.

– Тут никого нет...

Я аж вздрогнул: звук у моего «телевизора» был так же хорош, как и изображение.

– Но я же ясно видел, как чья-то рука из-за...

«Очевидец» замаялся.

– ... которая схватила сумку и утащила её... куда-то...

– А сумка? Сумка на месте?

Это подключился третий. Его участие в поисках ограничивалось раздачей указаний и матерков. Начальник, стало быть. Но вопрос был «несколько излишним»: он стоял на сумке. Спрашивать нужно было о содержимом. Точнее – уже не нужно было.

– Комиссию! Живо!

«Е... твою!»

Это я – про себя и о себе.

«Как же я так лопухнулся?!»

Только сейчас я заметил глаз камеры слежения. Маленькой, такой – но это не оправдание. Воистину: «золото ослепляет»!

«Незнайка-очевидец» пулей вылетел в коридор. Вскоре прибыла комиссия – если этот галоп запыхавшихся толстух и толстяков можно считать «прибытием». Составив компанию начальнику на мешке, который я, пижонясь, сбросил «с тучи», комиссия как-то сразу установила, что мешок пуст. Профессионалы – что тут скажешь.

– Составляйте акт, а я звоню в госбезопасность, – подвёл итоги управляющий. – Чертовщина, какая-то...

Пока составляли акт, я успел «смотаться» домой, разгрузиться и вернуться в исходную точку: всегда любил фильмы про шпионов. Ну, там где «наши» – умные, а все остальные – остальные.

Словно оправдывая мои надежды, гэбэшники старались вовсю. Они подпрыгивали и подтягивались, подныривали и пластались, будто и в самом деле намереваясь просочиться в микроскопические зазоры, в которые не всякая блоха пролезла бы. Они так усердно имитировали кипучую деятельность, что я даже пожалел их.

Исчерпав лимит зазоров, «товарищи из управления» оставили «ужимки и прыжки» – и вернулись к просмотру видеозаписи камеры наблюдения. Я тоже «подключился».

– Ну – рука же! – не выдержал один из «оперов». – Рука живого существа! Голову даю на отсечение!

Усекновения не требовалось: «существо» как раз в этот момент в очередной раз материло себя за неосмотрительность.

– Да х... с ней, с рукой!

Управляющий явно предпочитал детективам прозу жизни.

– Куда делись деньги? Сто миллионов рублей – это вам не хрен собачий! (Подобно мне, управляющий был настоящим интеллигентом).

Ответом ему было дружное молчание. «Такие вопросы спрашиваете – прямо неудобно отвечать!» Иных ответов на такие вопросы – заданные с куда больших «высот» и в отношении куда больших сумм – не находится даже в столице. Что уж тут говорить за такую мелочь – пусть даже она и «не хрен собачий»?!

Глава шестая

Я – человек, как правило, мирный. Сам никого не трогаю. Первым. И того же жду от всех остальных. «Давайте не пересекаться!» Именно таким принципом я стараюсь руководствовать во взаимоотношениях с «внешним миром». То же самое «мирное сосуществование» – но на уровне отдельных лиц.

Но «внешний мир» и «отдельные лица» совсем не хотели руководствоваться этим принципом во взаимоотношениях со мной. И если я не стремился к «контактам», то они поступали с точностью «до наоборот». Особую активность проявляли две категории: «хозяева жизни» и их обслуживающий персонал... Я хотел сказать: «и блюстители».

Эта публика никак не желала соответствовать моим взглядам на «мирное сосуществование» «в параллельных мирах». Её навязчивое общество становилось порой... навязчивым. И почему-то именно мне так крупно «везло». Может, «везло» и другим – и даже наверняка – но это уже их проблемы. Как говорил Ницше: «Какое мне дело до остальных? Остальные – это человечество».

Теперь в любой момент какой-нибудь «прохожий в вицмундире» мог пожелать составить мне компанию. И никакая это не паранойя, не фобия, не мания и не сглаз: дело – не во мне, а в «прохожих». Это ведь они считают, что могут

из открытой «амбразуры» своего «ровера» «куртуазно поздороваться» со мной: «Эй, ты, скока время?». Или «пройтись» по поводу внешности моего «француза» – не будучи членами выставочной комиссии. Для них это так же естественно, как для кобеля справить нужду под деревом. На глазах у толпы.

К слову – о собаке. Я уже говорил о том, что выгул Шарля с некоторых пор превратился в ответственную боевую задачу. Для меня. Потому, что это он гулял, а я бдел. Стоял «на стрёме». Ходил «на стрёме». Бежал «на стрёме». Это для него прогулка – прогулка. А для меня – боевое дежурство. Так и жди, что из-за куста вынырнет какая-нибудь личность – теперь ведь все «личности» – и начнёт «охранять общественный порядок». Я, конечно, понимаю, что разевать хайло на интеллигентного прохожего с собачкой – это много опасней, чем вступить в единоборство с бандой вооружённых негодяев, «с пушками и базуками»! Так и не связывались бы: себе дороже!

Поэтому, ещё издавелека завидев потенциального «блюстителя», я тут же разворачивал Шарля на какую-нибудь «нехоженую» тропу. Подальше от контакта – и не всегда только словесного: знаю я эту публику. Правда, себя я тоже знаю. И это ещё вопрос, кто «контактней». Но у меня хотя бы есть «железное» оправдание: не я ведь начал!

Сегодня всё было, как обычно. Нас с Шарлем едва не задавил очередной «крутой» на своём «навороченном» «джипе».

Нам пришлось обходить «десятой дорогой» обнаглевших мамаш с колясками и пенсионеров с клюками: и те и другие никак не могли поделить остаток парка между собой. При этом ни одна из категорий не считала участником дележа нас с «французом».

Наконец, в довершение всех «радостей», мы не смогли уклониться от встречи с «блюстителями». Конечно, можно сослаться на бурьян в рост человека. На солнце, которое слепило глаза. На мамаш и пенсионеров, отвлекавших внимание шумным выяснением отношений друг с другом. На попытки уйти от «лендровера», едва не отдавившего нам с Шарлем пятки. На многое другое, объективное и субъективное.

Но это будут отговорки – а винить следовало только себя: расслабился, утратил концентрацию, потерял бдительность. Ну, и что с того, что – парк? Ну, и что с того, что в нём гуляют – во всех смыслах? Тем более, надо быть бдительным! Вдвое, втрое против обычного! Против обычной улицы.

«Блюстителей» было трое: как честные служаки и просто мужественные люди, они предпочитают компактной группой ходить там, где тихо и светло. Там, где нет спасительной для преступника темноты. Там, где ему негде укрыться от бдительных глаз «блюстителей». К сожалению – и не только для себя – на этот раз не удалось укрыться мне.

– Эй, ты!

Мордастый «блюститель» с «лычками» младшего сержан-

та, игнорируя «лендровер» – по причине бесперспективности контакта – «традиционно вежливо» окликнул меня.

– Чё это ты тут – с собакой?

После такого «интеллигентного» «интро» я всегда теряюсь: не тот уровень! Ну, не хватает у меня ни таланта, ни деликатности соответствовать заданному тону! Словно что-то толкает меня на ненужные объяснения, на какое-то глупое многословие, на ссылки на закон. Нет, чтобы сходу повиниться, покраснеть, дать слезу, перейти на рыдания, захлёбываясь в которых и попросить извинения за то, что так нагло оказался на пути доблестных «блюстителей»! И, ладно бы один: так ведь с собакой! И не имеет никакого значения то, что она – при хозяине, на поводке, в наморднике и вообще помещается, чуть ли не за пазухой. «Duro lex...»: «закон суров...»

И умничать тоже не надо: «блюститель» не обязан знать латыни – и по этой причине может неправильно интерпретировать слово «duro», незаслуженно отнеся его на свой счёт!

Вот и сейчас я не совладал ни с эмоциями, ни с ситуацией. Ну, вот, такой, вот я, несуразный! Вечно вляпаюсь в историю! И исключительно по своей вине!

– Виноват, товарищ... э...э...э... господин... гражданин... Но я не видел здесь запрещающих табличек...

Худшего начала и придумать нельзя! А ещё этот многозначительный взгляд на полутораметровый бурьян, которым я заключил текст! Естественно, «блюститель» просто не мог

оставить сей вопиющий факт без реакции. Соответствующей.

– Ты, козёл!

Он корректно и доходчиво указал мне на причину, по которой я что-то недопонял.

– «Не видел» он! А это у тебя для чего?

Он постучал себя по лбу, извлекая из костей почему-то металлический звук.

– Зачем тогда очки нацепил, если такой тупой?

Несмотря на банальность последнего довода, обычно используемого в тандеме со «шляпой», на меня он действовал безотказно. Всегда. Как пуля в затылок. Какая, уж, тут «линия защиты»!

– Тут не гуляют, а ходят!

Против столь «правового» довода возражений не может быть «в принципе»! И нечего тут ссылаться на дедушку Крылова и его волка. «Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать!» «не прокатывает»! Наш отечественный «блюстититель» строг, но справедлив! А то, привыкли некоторые, понимаешь, обижать... «блюстителей»! Недоверием! Наговорами! «Насильники»! «Грабители»! «Душителы»! А какие они грабители?! Какие душителы?! Они – бескорыстные борцы за счастье народа – пусть даже под народом понимают лишь самих себя! Они настолько болеют за дело, что всю душу отдают ему – пусть даже и не свою!

– Плати штраф: тыщу рублей!

– Извините... гос... гражд... но я вышел не в магазин, а с собачкой...

– Дерзишь? – вздохнул полицей, и обернулся к своим спутникам. Те немедленно «соответствовали»:

– Дерзит! Не уважает!

– Тогда, как говорится, пройдемте.

И меня взяли под локоток. Вежливо, так – аж, шов у куртки затрещал.

– Разрешите собачку домой отвести? А то – неудобно... Вам... Если Вы думаете, что я убегу, можете сопроводить меня. Даже под пистолетом!

Моё предложение развеселило «блюстителей». Своей несуразностью. Я и сам понимал это. Даже то, что я растерялся, не могло меня извинить. Тоже мне, довод: растерялся! Хорошо ещё, что «блюстители» оказались людьми простыми, отзывчивыми – и где-то даже сердечными.

– А у нас там – собачья гостиница рядом. При живодёрне!

Весёлый этот парень, младший сержант! Простой, такой, доступный, как... младший сержант!

– Пошли – а не то оформим сопротивление! Сопряжённое с насилием. А это – срок!

«Сопряжённое»! Во, как выразился! А ещё говорят, что в органах у нас – одно безмозглое дурачье! Какая ложь: даже по этому трио видно, что не одно, а, минимум, несколько!

– А так – поучим тебя немножко уму-разуму, заплатишь штраф, оплатишь вытрезвитель, отсидишь пятнадцать су-

ток – и гуляй... до следующего раза! Пошли!

И я бы пошёл! Вот истинный... честное слово: пошёл бы! Но ведь не зря говорят: «чёрт под руку дёрнул»! Или: «чёрт на ухо нашептал». Точнее: опять «мне голос был».

«Пожелай!»

– Пожелай... – словно сомнамбула, прошептал я.

– Чего?!

У блюстителя даже лицо вытянулось от изумления: наверно, он воспринял это «пожелай» как фамильярность. Не мог же он знать, что это я – из роли. Ну, вот – роль такая.

– Ты уйдёшь через три секунды...

Если бы я был лириком, то непременно сказал бы, что моими глазами на блюстителя глядела смерть. А, может, так оно и было: я своих глаз не видел, но чувствовал, что в них и в самом деле – что-то такое...

– Ты уйдёшь через три секунды от него, а ты и ты – следом, с интервалом в три секунды...

Это уже адресовалось блюстителям без «лычек».

– ... Слева направо. Время пошло.

Всё, что успел сделать младший сержант – положить руку на кобуру: не Клинт Иствуд, однако. Через три секунды – отсчёт от последней «о» в слове «пошло» – он рухнул в бургян, подминая его своей массивной жоп... ну, хорошо: тушей. Насчёт «туши»: увы, но объективность – превыше куртуазий. В точно назначенное время к нему присоединились и мои несостоявшиеся конвоиры.

Я заглянул в бурьян.

«Хорошо лежим! И какое трогательное единение: вместе пришли – вместе «ушли»!

Тут меня с чего-то потянуло на философию. На размышления о смысле жизни. Вот говорят: Бог забирает себе лучших. Ну, не знаю. Я никогда не мог понять: кто лучший-то? Тот, кто раньше оказался «готов к забору»? Тот, кто успел перед отбытием помянуть Господа – и не матерным словом? Никогда я не поверю в неразборчивость Всевышнего! Не свалка же у него там, на небесах? И ещё: зачем Ему вообще забирать кого-то? Для них-то «там» пока и дел нет: рай-то ещё не открыт – один только ключник при воротах?! Я уже не говорю о том, что такие взгляды противоречат Священному Писанию! Сортировка душ по местам назначения – только в порядке очерёдности мероприятий!

Но, как бы там ни было, «товарищи отбыли». Что я мог сказать? Разве, что: «Кто к нам с мечом придёт...»

– Фу! Шарль, фу! Нельзя!

У моего «француза» нормальная – для нормальных собак – реакция на «точки на трассе». Он их «метит». В роли последних сейчас и выступили корпуса «блюстителей». Никакого злого умысла в этом не было – ни со стороны Шарля, ни с моей. Хотя, если подойти к этому вопросу, так сказать, философски, то... М-да...

Мелочи не могли умалить значимости момента: я впервые пробовал дарованный мне талант на людях. Ну, не совсем

на людях: на «блюстителях». Со стыдом должен признать-ся: никакого стыда я по этому поводу не испытывал. Равно как и никаких – тем паче, «литературных» – переживаний. Странно: ведь я такой способный на чувства! Я даже стихи пишу!.. Ну, не то, чтобы стихи – так: тексты... пописываю... Куда делся талант сострадания? Или не было его вовсе? (Это я – о сострадании: таланта мне не занимать). Или это объект не соответствовал таланту?

А, кажется, понимаю: Хозяин. Мой злой гений. Сам бы я... может, даже и задумался. Философски. О преходящей сущности бытия, например. Что-нибудь на тему «Все мы, все мы в этой жизни тленны...» А с ним попробуй! Попал под влияние. А ведь где-то всё это накапливается! Да, что, там, «где-то»: у обоих на меня – кондуиты! Ух, и счёт они мне выставят!

Одно утешало: мои «избранники» будут «удаляться в мир иной» с соблюдением всех внешних приличий. Это им гарантировал Князь мира сего. Никакого членовредительства. Никакого эпатажа. Даже геморрагического шока – и того не предвиделось. Такой, знаете ли, добропорядочный уход добропорядочного гражданина: ОСН, ИБС, инсульт, инфаркт, атеросклероз аорты, тромбоз сосудов. В крайнем случае – эмфизема лёгких. Обычное достояние врача-терапевта и больничного патологоанатома, но никак не судебномедицинского эксперта. И пока, кажется, мой «духовник» держал слово...

Глава седьмая

Я оглянулся по сторонам: никого. Никто не выныривал из «джунглей» «парка, в котором нельзя ходить с собаками». Я сделал шаг вперёд – и переступил через падших. Даже не глядя под ноги. Наверно потому, что это были «падшие»: через «павших» я бы не посмел. Но – на всякий случай: все претензии – к Хозяину!

(У меня, кажется, появился «козёл отпущения». Только вряд ли это зачтётся при «подведении сальдо». Так: «богатеет дурень думой». Но на душе почему-то становится легче. Всегда приятно думать, что... скажем, так: «не всегда хорошим человеком» тебя делают обстоятельства. А сам ты – агнец божий).

Никому до нас с Шарлем не было дела. Старички всё так же переругивались с молодухами, автомобили гоняли прохожих по парку – и сами же гонялись друг с другом наперегонки. Солнце светило, бурьян «колосился», «блюстители» коченели. «Гармония в действии».

– Пошли, дружище!

И это – я, душа тонкая и ранимая?! Не иначе – жара действовала. Как бы там ни было, мы пошли. К отсутствующему входу-выходу: это – к вопросу о правовом статусе парка... сквера... останков зелёных насаждений.

В жизни нередко бывает так: то – ничего, а то – всё сразу.

Вот и сейчас, за одну «ходку», мне представилась возможности совершить сразу два дела. Даже три. И все – добрые.

Едва мы с Шарлем завернули за угол, как тут же нашёлся повод для второго доброго дела. На пешеходную дорожку, которую давно уже превратили в шоссе, на полной скорости заехал «крутой» «мерседес». Я успел даже разглядеть не только наглую рожу водителя, но и погоны майора на его плечах.

А что тут такого: рядовой майор, каких – тьмы, «честным трудом» заработал сорок тысяч долларов на новенький «мерс»! Оклад по должности, надбавки за «звёздочки», экономия на завтраках, помощь старичков-родителей – так, копейка к копейке, и «набежало»! Это работяга никак не может накопить хотя бы на «жигули»! А майор может! Да, что, там, майор: даже лейтенант может! Старший.

И не только на «тачку»: «останется» ещё и на новую «площадь», и на новую обстановку, и «на попить-покушать» – и даже на ежегодный отдых в Эмиратах!

И вот выезжает этот «очень честный» майор на свою «законную полосу» – а тут «на дорожное полотно» «нахально выбегает» нарушитель: мальчик лет трёх-четырёх. Молодая мамаша, проявляя вопиющую, даже преступную небрежность – в нескольких метрах от него.

Я, конечно, понимаю майора: такая наглость! Такое возмутительное нарушение Правил дорож... э...э...э... пешеходного движения! Это же только представить себе: выбо-

жать на проезжую часть... пешеходной дорожки! Тут у любого мигом взбунтуется адреналин!

Нарушение было немедленно пресечено: усиленным бампером «мерседеса» – по спине нарушителя. После чего движение возобновилось, невзирая на недостойные выкрики отдельных несознательных пешеходов. Совсем распустились: нагло ходят по дорожной полосе! Мало ли, что она когда-то была пешеходной дорожкой! Мало ли, что вам тоже нужно идти! Идите! Но прежде вспомните хотя бы детские наставления: «Пешеходы, будьте внимательны!» Вот и будьте! Не создавайте себе проблем! И перестаньте апеллировать к атавизмам советского прошлого: тротуары, пешеходные переходы, светофоры! Как писал классик: «К старому возврата больше нет!» «Берегите себя!» – никто другой вас беречь не станет!

Конечно, майор был прав, пресекая нарушение. Конечно, прав. Но у нарушителя имелось смягчающее обстоятельство. Даже два. Первое: нарушитель, всё-таки – ребёнок! Явно ещё не знаком с Правилами дорожного движения по пешеходным дорожкам. И второе: эволюция не доработала с нами по части крыльев. Не подстраховала. А ведь только при помощи крыльев сегодняшний пешеход и может уцелеть на пешеходной дорожке.

Мамаша тоже оказалась не на высоте: вместе того, чтобы строго внушить ребёнку-неслуху, упала в обморок. Ну, как с таким отношением к воспитанию подрастающего поколе-

ния мы наведём порядок на наших пешеходных... гхм... дорогах?!

(«Взыщи!»)

(«Так ведь – уже?!»)

(«С «мусора!»)

Фуй: Хозяин, Хозяин! Ну, Вам ли уподобляться обывателям?!

Такое неуважение к сотрудникам! Такое вопиющее непонимание их значимости! А ведь они день и ночь охраняют нас... от своих богатств и богатств своих хозяев! День и ночь они разъясняют нам наши права – пусть даже одни только процессуальные!

«Ты уйдёшь через три секунды. Время пошло».

Вот так было и в прошлый раз: он шепнул – а я повторил. Это даже не мой текст! Я сам – жертва злого умысла!

Майор «убыл». Вместе с автомобилем. «Убыл» – как я ни протестовал (про себя, конечно) – против такой чрезмерной строгости. Да, в случае с нарушителем ПДД имелось частичное несоответствие наказания масштабу проступка... Но зачем же уподобляться майору, который действовал в условиях почти аффекта, будучи вынужден к эксцессу масштабом нарушений, учиняемых пешеходами на пешеходных дорожках?! Можно же было и не так! Можно же было... Ну, я не знаю... Ну, хотя бы оставить товарищам по работе тело для траурного митинга! А то ведь, как в той песне: «вот она была – и нету!» С чем теперь митинговать?! Где главное дей-

ствующее лицо будущего мероприятия?

На мой взгляд, Хозяин перестарался с эффектом: этот объект работы не ушёл в землю, а сгорел в воздухе. Как спичка. Только, в отличие от той, от него даже пепла не осталось. («Не приписывай мне авторства!»)

Вот, и попробуй, тут поспорить! Даже оправдаться не дадут! Конечно, появлялась у меня такая мысль... И даже не один раз. Ну, чтобы машины, едущие по пешеходным дорожкам, сгорали. Вместе с личным составом... Но ведь это – буквальное прочтение старинного русского пожелания «Чтоб вы все тут сгорели!» Да, признаюсь: желал. Но сейчас это – не я... То есть, не то, чтобы не я... Ну... не один я. А вообще, всё это – от недостатка сознательности. Сказывается ещё в нас обыватель, не понимающий значения служб правоблюдуших!

Оставалось утешаться лишь тем, что не «намусорили» в итоге.

Нечем было «мусорить». Не было «мусора» в наличии. Имелся и другой утешительный момент: всё случилось на глазах у многочисленной публики. Тех самых перманентных нарушителей ПДД на пешеходных дорожках. И не только их: на «трассу» уже выворачивали ещё несколько «рысаков». Выворачивали – да так и не вывернули: настолько их впечатлило «отсутствие наличия». Глядишь, со временем и «ППД на пешеходных дорожках» обретут прежний формат: «ПДД» – и никаких приставок.

(«Продолжай!»)

– Нет, так не пойдёт! – не выдержал я. – Получается, что это не мои желания, а Ваши! За что же я тогда заложился?! Прощу... нет, требую! – всё то, что произошло, в пассив мне не заносить!

(«Ладно!»)

Он ещё смеётся! Смешно ему, видите ли!

(«Но ведь это – всё равно твои желания! Я всего лишь помог тебе вспомнить их и реализовать!»)

– Благодарю за помощь, но больше не надо напоминать! Всё, что нужно будет, я вспомню сам.

(«Как скажешь... А что с „мусорками“ будем делать?»)

Какая наглая провокация! Прямо толкает на преступление!..

Но машин и впрямь было слишком много для такой маленькой пешеходной дорожки: отстаивались-то они тоже на ней. И все, как одна – «блюстителей». И одна – «круче» другой: «малопоношенные» «мерседесы», «лексусы», «вольво», «ауди», «чероки», «хаммеры»! Весь автомобильный «бомонд»: доблестные «стражи закона» даже не считали нужным скрывать, что они совсем «не зря» «стоят на страже».

Для сведения: «защитники прав» – не будем уточнять, чьих – первыми начали «осваивать» «свободное пространство». Ну, правильно – а кому ещё первым «показывать пример» соблюдения ПДД и прочих норм закона, как не его блю-

стителям?!

– Да, надо бы проредить...

По слабости нутра я поддался на провокацию. Но факт перебора отрицать было нельзя – даже такому беззаветному гуманисту, как я. *Entschuldigen Sie, bitte, aber* – плюнуть было некуда! Даже с учётом «ежедневного Вавилона» – верный признак того, что у «блюстителей» – «слёт» в ДВД. Для справки: ДВД – это областной департамент внутренних дел, находящийся в сотне метров от «стоянки», сразу за углом.

В машинах не было ни души: значит, все уже – там. Жаль, конечно, что объект – не в комплекте, но «протрубить общий сбор» я как-то не догадался. А ведь чего проще: запали только одну – как все сбегутся! И генерал не остановит! Но не зря говорится: «хорошая мысль...» Пришлось работать не с личным составом, а с наличным. Над вопросом «с чего начать?» задумываться я не стал: с крайнего, конечно! Крайний – всегда «крайний». В данном случае: крайний «лексус».

– Ты уйдёшь через пять секунд. Следующий – через пять секунд от тебя. Остальные – с интервалом в пять секунд друг от друга, слева – направо! Время пошло!

Форма пожелания, что для органических, что для неорганических соединений оставалась неизменной. Так уж я загадал в своё время. Результат оказался впечатляющим. Автомобили, как в голливудском боевике, начали взрываться и полыхать один за другим. Двадцать пять штук! И если в боевике уничтожался подкрашенный хлам со свалки, здесь был

задействован весь автомобильный «бомонд»!

Через пару минут – чтобы зрители успели насладиться спектаклем, что ли?! – всё было закончено. Никакого огня, никакой гари, никаких столбов дыма: я ведь живу здесь – зачем вредить экологии и собственному здоровью?! В «сухом остатке» имелись лишь чёрные прокопченные кузова погорельцев общим числом двадцать пять. Наверно, для того, чтобы владельцам было, кого оплакать.

А ещё через десять минут всё пространство пешеходной дорожки было запружено публикой в мундирах мышинового цвета. На «место происшествия» прибыли не только бывшие владельцы бывших авто, но и их коллеги, начальники – и, разумеется, оперативная группа, которая «на выезд!»

Частично пришедшая в себя мамаша попыталась стать заявительницей – но была тут же поставлена на место. На прежнее: «не до тебя с твоей «бытовухой»! И я хорошо понимаю господ «блюстителей». Понимаю – и где-то даже сочувствую. Потерять верного друга, за которого уплачены тысячи долларов законных взяток! Взятки, которые теперь опять надо вымогать – а ведь условия для этого появляются не каждый день! Стихии-то что: пали, себе, не думая – а «блюстителю» опять надо «душить», «прижимать» и «обкладывать!» Трудиться, словом! Не покладая рук!

Нередко – в буквальном смысле. Над гражданином, определённым «на дозаривание».

До позднего вечера погорельцы были исключены из про-

цесса охраны общественного порядка – по причине включения в другой. Никто не хотел рисковать страховкой. Вот и дожидались окончания обеих процедур: и «гаишника», и страховщика.

К тому моменту начальства уже не было с «народом». Удостоверив факт «порчи и уничтожения имущества», оно тут же водворилось в стенах департамента. Я последовал за ним: здесь всё было ясно. Долго следовать не пришлось: начальство у нас любит верхние этажи. Уже одним этим фактом оно словно заявляет себя как «небожителя».

В кабинете начальника ДВД собрались руководители всех служб.

– В городе творятся странные дела, – отказался от предисловия генерал. – «Вспомним всех поимённо...» Итак: дюжина новостроек в центре города – вместе с застройщиками и строителями. Ну, за последних – даже спасибо: помогли улучшить показатели работы с нелегальной миграцией... «Отдельной строкой» – сгинувший транспорт. Бесследно сгинувший. Теперь вот – ещё двадцать пять машин. Уже – наших, не чьих-то. Что это: диверсия?

Теракт? Предупреждение? Объявление войны?

Я как раз «завис» над столом начальника, когда ему принесли новую сводку.

– А вот и «последние новости»... Только что в так называемом «парке» обнаружен наряд «блюстителей» в количестве трёх штук. Уже – не в качестве наряда... Никаких признаков

насилия. Оружие нетронуто, деньги – тоже... Как «огурчики»... Три штуки – сразу... Прямо – коллективная скоропостижность... какая-то.

Генерал скользнул глазом по тексту.

– И вот ещё... Оказывается, перед возгоранием этих двадцати пяти был отмечен ещё один очаг. Из «мерседеса» и нашего майора. И очаг – какой-то странный... Всё – дотла. Даже «тла» не осталось. Какая-то трогательная забота об экологии. А по показаниям свидетелей, за минуту до этого он якобы... гхм... задел бампером... по касательной... некоего ребёнка, который переходил пешеходную дорожку... гхм... в неположенном месте...

Начальник отложил в сторону бумажку и «задумался» начальственной бровью.

– Чертовщина, какая-то... Был бы верующим – сказал бы, что здесь замешана нечистая сила. Или, что это – кара Господня...

– Вы забыли ещё упомянуть странные пропажи денег из валютного «обменника» и областной конторы Госбанка, – продемонстрировал верноподданность один из полковников слева от генерала. – В «обменнике» деньги исчезли, и почти тут же появились на глазах у трёх свидетелей. А в банке... там вообще – мистика какая-то: камера наблюдения чётко зафиксировала руку, которая тянет сумку с деньгами. Только её одну – и ничего больше. А потом и она исчезла. В никуда...

– Как это Вы сподобились лицезреть? – отставил задумчивость генерал. – Это же – гэбэшная подследственность?

Заподозренный в дружбе с конкурентом, полковник упал духом, но тут же встал. На защиту себя.

– А они, как увидели, что дело – дрянь, сразу же попытались его «спихнуть» нам. Да ещё на УПК сослались! Еле отбил: не хватало ещё ТАКОГО «висяка»!

– Ладно!

Генерал отложил съедение полковника на потом.

– Есть мысли «по поводу»?

Начальнику ответило молчание подчинённых. Дружно ответило. Что же – до мыслей, то они, конечно же, были. В количестве одной: «Только бы не меня!»

– Понятно... А что делать будем?

Молчание уплотнилось. (Сгущаются же сумерки: почему не уплотниться молчанию?!).

– Просто – водопад советов! – ухмыльнулся генерал. – Хоть отбивайся! И все – один другого лучше! И-э-х-х, работнички!... Слушай сюда! Хоть никто ни хрена не понимает, с нас всё равно «снимут стружку». Поэтому создаём оперативно-следственную группу. Надо выдать если не дело, то хотя бы его имитацию. Лучше, конечно, найти зацепку. Хоть какую-нибудь.

Голос его быстро «набрался металла».

– Пусть ваши люди ходят по парку, по улицам, которые ведут от парка к ДВД! Пусть опросят народ: вдруг кто-

нибудь был очевидцем. И если окажется, что в момент совершения там находилось одно и то же лицо – мы добьёмся от него. Будем бить, пока не добьёмся...

Если это и была шутка, но лишь за пределами этого учреждения. Здесь же, в этих стенах, её воспринимали буквально. Как только и следовало её воспринимать в этих стенах. Здесь это была не шутка, а установка на «методы оперативной работы», которые никакой «демократии» не по зубам. Разве, что – демократам: их зубы, в том числе и отсутствующие – тому доказательство.

– Чую я, что всё это – звенья одной цепи... Вот чую – и хоть режьте меня...

«Ну, дядя, если ты будешь продолжать в том же духе, придётся удовлетворить твою просьбу. А что делать, если ты сам себе – враг? Не зря ведь сказано: „во многой мудрости много печали; и кто умножает познание, умножает скорбь“. Читай Екклесиаста, дядя, следуй ему – и, глядишь, удержишься ещё на пару лет! И не только – в должности...»

Глава восьмая

Телефонный звонок оторвал меня от экрана телевизора.

– Кому там, ещё, неймётся?

Оснований для недовольства я имел больше, чем достаточно:

«Спартак» опять проигрывал, в очередной раз демонстрируя свой «весёлый» футбол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.